

Жизнь отрубленной головы

Живописец Антоний Вирц¹, родившийся в Динане, на Мёзе², в 1806 году и умерший в Брюсселе 18-го июня 1865 года, – был одним из замечательнейших по таланту и оригинальнейших по нраву людей нашего богатого исключительными натурами века. Увлекающийся мечтатель и мистик по уму, он в практической жизни был бессребреник, стоик и философ, каких в наши времена найти трудно, чтобы не сказать – совсем невозможно. Справедливость этого отзыва легко доказывается одним фактом из его биографии: будучи известнейшим художником своего времени, он, кроме премированного в Риме исторического полотна³, не выпустил из своего отечества (Бельгии) и не продал ни одной картины.

Будучи сыном пролетариев, он мог иметь сотни тысяч, но предпочел умереть таким же пролетарием.

Чтобы самому жить и вместе с тем содержать престарелую мать, он наскоро набрасывал охотникам сниматься портреты – род живописи, который он, вообще, презирал; никогда их не подписывал и, несмотря на все их достоинства, отдавал их заказчикам за бесценок. Этими не признаваемыми им «детищами беззакония» Вирц существовал; но как только умерла его мать, он бросил писать портреты и нужды свои ограничивал до минимума, довольствуясь небольшой стипендией, которую ему давало правительство; часто голодая, иногда не имея даже определенного местожительства, он дни и ночи проводил под своими колоссальными полотнами в сараях, в развалинах зданий, которые равнодушно отдавались в распоряжение художника властями или меценатами.

Для себя он не принял бы дарового приюта, для творений же своих принимал его и даже требовал от своих граждан. За то, что они ему оказывали гостеприимство, – сначала в пустопорожних зданиях, в старых цейхгаузах⁴ или в упраздненных храмах, а потом, наконец, спохватились и купили ему за счет города дом с огромной мастерской, – он им же безвозмездно завещал все свои произведения... «Музей Вирца» – так зовется теперь этот простой, суровый, если можно так выразиться, дом, весь завешанный плющом и лозою, среди густого сада в дальнем закоулке старого Брюсселя. Каждый ребенок вам его покажет, каждый бельгиец им гордится!

Известно, что крупная живопись, живопись религиозная или историческая, должна быть поддержана властями, правительством или церковью, собственно говоря, производиться на их счет по той простой причине, что частным людям с сажеными⁵ картинами некуда и деться. Однако, Вирцу удалось составить целый музей громадных картин без всякой помощи, кроме пожизненного крова от города, тогда как Рубенс, Рафаэль⁶ и другие великие творцы монументальной живописи работали не иначе, как по заказу церковей или дворцов.

Вирц был подобен античным, классическим героям; он жил для труда и для потомства. Забывая о себе в великой своей любви к двум кумирам – к своему искусству и к отечеству, Вирц

Очерк публикуется по: *Новости и биржевая газета, 1891, №2, 2 января.*

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Очерк был напечатан в журнале «Lucifer» (1891, т. VIII, №43, март) в переводе Е.П.Блаватской.

Выдержки из очерка были процитированы в статье В.Ч. [В.В.Чуйко] «Музей Вирца» (Всемирная иллюстрация, 1891, №5, 26 января). См. также очерк В.П.Желиховской «Брюссельская жизнь» (Московские ведомости, 1891, №4, 4 января), в котором рассказывается о музее А.Вирца и его картинах.

¹ Вирц Антуан-Жозеф (1806–1865) – бельгийский живописец и скульптор.

² Маас (Мёз) – река во Франции, Бельгии и Нидерландах.

³ «Борьба троянцев и греков за тело Патрокла». – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁴ Цейхгауз – военная кладовая для оружия или амуниции.

⁵ Сажень – старорусская единица измерения расстояния, равная 2,16 м.

⁶ Рубенс Питер Пауль (1577–1640) – фламандский живописец.

Рафаэль Санти (1483–1520) – итальянский живописец, график и архитектор.

часто говаривал своим друзьям, молодым артистам: «Тщеславие, роскошь и мода – вот три гангренозных червя, подтачивающих искусство, губя вдохновение и силу. Если живописец продает свой труд, работает для прибыли, он торгаш, ремесленник, а не свободный художник. Попав на прибыльную жилку – на жанр, который нравится и сбывается выгодно, он будет сто раз сам себя копировать и повторять, пока не убьет и вдохновения... Друзьям мои! Если вы не почувствуете горячей любви к искусству, оставьте нас!.. Если же вы разделяете нашу благоговейную страсть к чистому искусству, – вы должны понимать, как мало требуется для поддержания жизни воздержного человека, душа которого сыта и переполнена одним стремлением к высшим идеалам».

Он был человеком цельным; слова и дела его не расходились – он проповедовал лишь то, что творил сам, не жалея ни сил, ни здоровья, в постоянном стремлении к усовершенствованию своего таланта, к приложению его к нравственным целям, к выполнению задач общественных, мировых, духовных. В сотне картин Вирца едва ли найдется десяток изображений бесцельных, живописи ради живописи или красоты образцов; почти все сюжеты имеют смысл проповедей гуманности, христианских добродетелей, высших духовных стремлений. Житейские его сюжеты, вырванные живьем из жизни бесчисленных *«оскорбленных и угнетенных»* мира сего, – раздирают сердца; отвлеченно-философские – возвышают дух; а библейские и в особенности христианские – в духе христианства, а не в букве – пробуждают в душах людей все, что есть в них лучшего, священного!.. Многие картины Вирца – те же величественные проповеди, всем понятные в своем немом красноречии⁷...

Но есть, конечно, и такие, которые выказывают его слабости, его увлечения...

Человек в высшей степени верующий, убежденный в бессмертии духа, в праведном воздаянии в жизни загробной, Вирц, вместе с тем, увлекался, как ребенок, великими задачами и великой будущностью человечества и на земле, в плотском существовании его, мечтал чуть ли не о сказочных возможностях. Он часто выражал убеждение, что люди в грядущих веках будут, по знаниям и мощи, гигантами в сравнении с нынешними, пигмеями⁸. Признавая в сатире одну из форм философии человеческого мышления, он часто прибегал к ней в своих картинах. В одной из них, названной живописцем *«Настоящее – пред судом будущих рас»* он изобразил сцену у очага будущих людей-великанов: отец показывает своей семье найденные им крошечные предметы, которые он держит на ладони. Эти неведомые нашим потомкам, пребывающим в вечном мире, предметы – наши пушки, вооружения, знамена и знаки отличия... Другая картина еще баснословней и красноречивей. Она называется *«Власть человечества беспредельна»* и под нею красуется следующая подпись, объясняющая мечты художника:

«Когда исполнившись верой в свое высокое предназначение, человек забудет занимающие его ныне мелочи; когда в силу его глубоких знаний, его многосторонних открытий и остроумных изобретений вся природа принуждена будет повиноваться его голосу и воле, тогда его гений овладеет пространством. В эфире небес он будет царить, как на земле. Он достигнет звезд и, вечно

---

⁷ Три огромных картины: *«Светоч Голгофы»*, *«Торжество Христа»* и чудное изображение по исполнению и по мысли – *«Осужденные Христом»* – враждование религиозных партий, от которых Христос отвращается, проливая слезы. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Картины А.Вирца В.П.Желиховская и ее дочери Надежда и Елена видели во время посещения Брюсселя в 1890 г. Н.В.Брусилова вспоминала: «Мне запомнились особенно пять картин. <...> Третья картина – “Жизнь отрубленной головы”. Гильотина и скатившаяся только что голова преступника. Ужас, написанный в глазах, и вполне сознательное выражение у этой мертвой головы заставляли многих задумываться над вопросом – сколько мгновений или минут после отделения головы от туловища мозг продолжает работать и сознание не покидает головы казненного» (Брусилова Н.В. Воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а. Л. 119).

Желиховская Надежда Владимировна (в замужестве Брусилова, 1864–1938) – писательница, общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской, с 1910 г. жена военачальника А.А.Брусилова (1853–1926).

Желиховская Елена Владимировна (1874–1949) – общественная деятельница.

⁸ После этих слов в публикации журнала «Lucifer» следует примечание редакции: «Это учение оккультной философии. Теософы, верящие в циклы, полагают, что наши расы в конечном итоге вернуться к своим первоначальным гигантским размерам и, следовательно, к знаниям тайн природы, которыми ранее обладали».

стремясь выше по стезе величия и могущества, он дойдет до возможности, по своему произволу, уничтожать миры, вращающиеся в беспредельности».

На картине изображены *люди будущего* на земле, где они блаженствуют в познании всего в общем довольстве и могуществе земного существования, из которого исключены ссоры, войны, зависть, богатство и бедность, – и в пространстве поднебесья, где они прогуливаются на колесницах, парят и *спят* на облаках, как дома на своих постелях⁹.

Идеалист и мечтатель в отвлеченных утопиях, которые порождались в нем благородным доверием к задаткам и силам человечества, в общем, Вирц был мучеником за его настоящие беды: за общественное неустройство, злоупотребления, несправедливости и частные людские страдания. Мало осталось не затронутых его картинами *злоб* наших дней.

Вопрос о целесообразности воздаяния, *по закону*, зла за зло – смерти за смерть – в особенности его мучил. Одно время, когда в Бельгии особенно часто повторялись преступления, вызывавшие смертную казнь, он особенно предался изучению этого вопроса с точки зрения не столько юридической, сколько духовной и медицинской. В его мастерской находилось несколько картин и множество этюдов – голов казненных преступников. Он с ума сходил над вопросом: в чем и каким образом выражаются страдания обезглавленных? Точно ли они продолжают лишь одно мгновение?.. Что происходит с человеком в момент отсечения головы от тела?

Если бы возле Вирца в то время оказался хирург Себаллос из Перу, который 20 лет спустя (в июне 1877 г.) благополучно воскресил обезглавленного отцеубийцу Пабло, мгновенно приставив его голову к туловищу, пока кровь еще не остыла, художник решил бы, пожалуй, сам себя подвергнуть этой рискованной операции, до того его интересовал этот вопрос. Но доктора Себаллоса еще тогда не было, а существовал доктор М***, главный тюремный врач в Брюсселе, и доктор Д***, их общий приятель, один из передовых ученых психологов, изучавших магнетизм, и тридцать лет тому назад уже успешно лечивший посредством гипнотизма. Он много раз усыплял самого Вирца и находил его чрезвычайно чутким субъектом.

К содействию этих ученых и прибега живописец для выполнения своего оригинального намерения во что бы то ни стало узнать, *что мыслит и чувствует голова казненного гильотиной?*..

Он обратился к М*** и упросил его устроить так, чтобы их с доктором Д*** впустили заранее под гильотину, туда, куда с нее падает, чрез кровавый мешок, голова казненного в корзину, приспособленную для нее. С гипнотизером же своим он стал усиленно практиковаться в безусловном повиновении его воле. Д***, во время усыпления его, приказывал Вирцу отождествляться с разными лицами, читать их мысли, проникать в желания и чувства их и описывать все сознаваемое за них, подробно отвечая на вопросы.

Магнетизер старательно тренировал своего субъекта, лично сильно заинтересованный в предстоявшей экспертизе. Не менее его заинтересованы были в результатах этого опыта и все медики, ученые и простые смертные, проведавшие о нем.

В роковой для осужденного день Вирц со своим магнетизером, с главным врачом и еще двумя экспертами-судьями заранее отправились на место, в нижнюю часть эшафота, скрытую от публики. Минут за десять до решительного момента Д*** усыпил художника, внушив ему заранее, что вот сейчас произойдет казнь, сюда, в эту корзину, свалится голова; но что он должен прежде, чем коснется ее нож, еще там, наверху, на плахе гильотины, постараться ассимилироваться с приговоренным к казни, проникнув в его помыслы и ощущения.

И вот шум в народе возвестил о приближении скорбной процессии. Гильотина приведена была в порядок; палач поправился, приготовился опустить орудие смерти; наконец, осужденный был взведен на эшафот, приговор – прочитан...

Усыпленный Вирц заволновался, высказывая желание освободиться от гнета, проснуться... Но было поздно! Раздался шум падавшего ножа... В ушах «субъекта» этот шум отдался оглушительным грохотом, ему казалось, что нож падает именно на его голову. И не нож,

---

⁹ После этих слов в публикации журнала «Lucifer» следует примечание редакции: «Оккультная теософия учит нас, что так уготовано возвышенным людям седьмого круга и расы. Вирц был бессознательным теософом».

собственно, а будто бы гром и огонь небесный разразились над ним. Вся гильотина сотряслась от силы удара.

– Что вы чувствуете? Что видите? – спросил магнитезер.

Вирц прошептал, содрогаясь и болезненно корчась:

– Прежде всего какой-то смутный гнет... Потом – молния! Молния пала... О! Какой ужас! Она думает! Она видит!

– Кто – она?

– Она, голова!.. Она страшно страдает – чувствует и мыслит, но еще не сознает совершившегося... Она ищет своего тела... *Ей кажется*, что тело ее подняло руки и ощупывает ее... Она еще ждет последнего удара... ждет забытья... но... *забытья – нет!*

Один из присутствовавших экспертов поспешно записывал отрывочные речи ясновидящего. Все чувствовали, что ужас холодом охватил их, что волосы их встают на головах в то время как глаза не могут оторваться от какого-то *комка*, который появился в холщовом мешке... Вот он на секунду остановился – падение почему-то замедлилось, и на грязном, грубом холсте появилось черное... нет! – багровое пятно! И сквозь него показалась кровь... Круглый ком скользнул, что-то тяжелое глухо ударилось о дно корзины... Помертвелое лицо вниз волосами, вверх кровавой шеей смотрело на них, стиснув и ослабив зубы. Артерия билась на кровавом обручке, извергая кровь, пузырясь и заливая лицо, глаза, обильно смачивая волосы.

Голова видела, думала, страдала, а живому человеку, отождествленному с ней, казалось, что он сам переживает все ее чувства.

Он начинает задыхаться... Над головою казненного поднялась какая-то страшная рука, громадная, беспощадная. Она ухватила его за горло, потом соскользнула на череп, страшной тяжестью навалилась на него и душит, давит, уничтожает его!.. Перед глазами его огненные круги, багровое, раскаленное облако. Он силится освободиться из нее... Ему кажется, что он вцепился обеими руками в эту огромную, адскую руку, орудие невыносимой пытки.

Но что это?.. Кровь?.. Рана?!

Только теперь, после страданий, которые ей показались вечностью, *голова* сознала смутно, что она умирает не от задушения, а потому что отсечена, отделена от тела.

Бред усиливается... Теперь ей кажется, что она стремительно вертится, как волчок, ловко пущенный в пламя, вертится в огненном вихре, пока не испепелится сама вместе со всем окружающим ее... Она отрублена?! Да полно, так ли?..

Возможно ль поверить, что в эту минуту сравнительного сознания, что все кончено, – в не остывшем еще мозгу мелькает надежда: а что если бы скорее, сейчас, сию секунду приставить ее к телу?.. Быть может, еще вернулась бы жизнь?.. Жизнь! Да разве она не живет? Она мыслит, страдает, – разве это не жизнь? В ней даже работает соображение: среди огненного вихря, палившего ее со всех сторон, голова вспоминала.

– О! Скорей бы смерть! – более чем через две минуты после казни преступника повторял за него ясновидящий.

– Неужели еще не наступило забытья? – спросил доктор.

– Нет!.. Он видит своих судий; слышит приговор; он видит свою семью, полумертвую от горя жену, плачущих детей... Ах! Несчастный!.. Теперь он воображает, что семья не хочет помочь ему, спасти, приставив его голову к шее... Ему кажется, что он умоляет об этом, но его никто не понимает!.. Вот он целует детей... Он прощается с ними и в ужасе слышит крик меньшего, любимого сына: ребенок боится его! Он плачет потому, что запачкал о шею отца свои ручонки в его истекающей крови.

А муки физические все продолжают, разнообразные, безустанные, бесконечные! И продолжаясь, не прерывают мыслей и страшных образов и нравственных истязаний. Когда же, когда же конец?

– О, мука, худшая из всех мук! – у казненного мелькнуло ужасное предположение: не есть ли все переживаемое им – *загробное наказание, вечная загробная пытка?!.*

Когда спавший вымолвил эту мысль, взгляды всех присутствующих невольно обратились на голову – и сердца их сжались: им показалось, что глаза в отрубленной голове открылись шире и блеснули ужасом и мольбою...

– Смотрите! Смотрите!.. – в ту же минуту воскликнул усыпленный. – Он понял, что ошибается, что этого не может быть, что его ждет не пытка, а успокоение! Не вечное осуждение, а милосердное прощение. Ему теперь видится ясное, сверкающее небо... Пред ним расходится завеса... Да! Он прошел чрез все пытки: нож, огонь, яд, – все страдания телесные переносятся в смерти от обезглавливания! И кроме того, все нравственные истязания, которые заключаются в продолжительном сознании, в сохраняющейся в мозгу способности мыслить и бредить... Но, вот, кажется, сказывается милосердие Божие... Да! Вот скоро, скоро конец. Нет... Еще одно видение: он видит отвратительное исчадие гражданина Guillotin¹⁰ уничтоженным – гильотина падает в огненную бездну и там пожирается адским пламенем... Теперь все земное исчезает... Слава Богу! Бесконечные страдания затихают... Огненные вихри тают во мраке ночи... Тихой, спокойной, освежающей ночи... с единым просветом вдали... с одной мерцающей ласковой звездочкой. К ней, замирая, стремится последнее сознание казненного, – последнее сознание надежды... любви!.. Кончено! Жизнь потухла... Он умер.

Вирц умолк. Расспрашивать более было не о чем. Врач подошел к голове казненного, приложил два пальца к виску, ко лбу... Они были почти холодны. Гипнотизер делал над усыпленным усиленные пассы, чтобы скорей возвратить ему сознание... И было время. Он изнывал под тяжестью впечатлений и мог бы заболеть, если бы сохранил отчетливое воспоминание о пережитых им нескольких минутах, которые казались целым веком.

Какою вечностью должны были они продлиться для казненного, если он точно пережил все муки, которые передал за него Вирц в своем гипнотическом сне.

А.Вирц. Гильотинированная голова. 1855

¹⁰ Гильотен Жозеф Игнас (1738–1814) – французский политический деятель, член Учредительного собрания, профессор анатомии. Его именем названа гильотина – машина для обезглавливания, хотя он не был ее изобретателем. Он только 10 октября 1789 г. на заседании Учредительного собрания предложил использовать гильотину как более гуманное орудие казни.

Отчет о видениях его существует в нескольких вариантах¹¹, в свое время появившихся в бельгийских газетах. Один из них приложен к его биографии (Эмиля Лавелея¹²)¹³, и это самый запутанный, потому, вероятно, что записан на месте по отрывочным возгласам загипнотизированного. Из него видно, что полное сознание и невыразимые мучения продолжаются от секунды обезглавливания в продолжение *трех минут*; затем страдание и мысль притупляются, и смерть овладевает, наконец, своей добычей¹⁴.

Результатом этого страшного опыта явилось несколько картин. Одна из них масляными *матовыми* красками (без глянца, – личное изобретение Вирца) – очень велика, изображает три последних минуты приговоренного к гильотине и названа артистом¹⁵: «*Думы и видения отрубленной головы*». О ней Вирц писал одному другу:

«Я разделил свою картину на три мгновения: на эшафоте, под эшафотом, в вечности... Быть может, она когда-нибудь послужит аргументом против смертной казни... Желая этого горячо!»

Луч, кротко мерцающий в хаосе черных туч, окружающих *голову* в последнее, третье мгновение, изображен художником недаром: он твердо верил в свет божественного милосердия.

Множество прекраснейших картин Антония Вирца доказывают наглядно, что он не представлял себе полной смерти, в смысле уничтожения. Смерть наша, напротив, понималась им как возрождение к более чистому, лучшему бытию. Нельзя перечислить всех его картин, но должно указать на три из серии его так называемых «философских» творений.

«*Мгновение по смерти*» – фигура в натуральной рост человека. Умерший возносится в пространство среди планет и созвездий. Величавым движением головы он повернулся и ищет еще задумчивым взором свое покинутое жилище – землю, исчезающую во мгле под его ногами... Он едва ее видит и с последним «прости» роняет в бездну книгу – *скрижали земных величий*.

Оригинально прекрасна картина, названная художником «*Жизнь и смерть*», но которую, кажется, вернее было бы назвать: «*Два бытия*». Чудный пейзаж летнего сумрака; вдали освещенные луною горы. Цветущая долина усеяна могильными памятниками, древними монументами, между которыми витают тени покинувших земную жизнь, но живых умерших. Полные благоволения следят они за играми детей среди их могил. На первом плане весело кружится под звуки свирели хоровод маленьких, полунагих детишек. Кажется видишь, как быстро движутся в траве пухлые ножки; слышишь, как пение и смех вырываются с румяных губ этих прелестных пухлых личик[ов], оживленных счастьем, беззаботной забавой минуты... Но вот в стороне двое детей постарше. Они обнялись и не принимают участия в играх. Они, как видно, уже познали горе утраты! Они еще опечалены разлукой и не подозревают, как близки к ним те, кого они оплакивают: над ними витают две тени – мужчина и женщина. Грустно улыбаясь, смотрят на своих детей отшедшие отец и мать, и, кажется, будто улыбкой и взглядом зовут их принять участие в играх веселых товарищей, просят утешиться, не верить *кажущейся* разлуке.

Но вот картина, из которой явствует, как реально понимал художник жизнь загробную: это сцены торжественных и радостных встреч умерших, любивших друг друга на земле и не переставших любить после смерти...

Наглядевшись в музее Вирца с ужасом и печалью на сердце на многое множество его безотраднейших изображений людских нужд и пороков, несчастий и преступлений от нищеты и голода, от войн, междоусобиц и всяческой борьбы человеческих страстей, отрадно видеть, чем художник утешал себя и других, – каких великих радостей ожидал в будущей, вечной жизни, в воздаяние за временные, земные страдания. Его картина: «*On se retrouve au ciel*»¹⁶ – красноречиво передает его убеждения.

¹¹ вариантах (*устар.*).

¹² Лавелэ Эмиль (Laveleye, 1822–1892) – бельгийский экономист, социолог и публицист.

¹³ «Antoine Wiertz, un peintre belge contemporain» («Антуан Вирц, современный бельгийский художник»).

¹⁴ См. также: *Венюков М.И.* Психо-физиологические наблюдения над казненными // *Новости и биржевая газета*, 1884, №211, 2 августа; *Palmer.* Когда прекращается жизнь после казни // *Ребус*, 1911, №3, 23 января.

¹⁵ художником (*фр. artist*).

¹⁶ «Увидимся на небесах» (*фр.*).